

Ци Жун Юэ посмотрела на свои руки и покачала головой.

- Я в порядке. В аптечке есть лекарство, можешь подать его мне.

Сюэ'эр ненавидела Сюй-ши всё больше и больше, и свирепо посмотрела на нее, сказав:

- Это все ваша вина. Если бы вы не толкнули Сяоцзе, чай бы не пролился на нее.

Сюй-ши тоже в глубине души чувствовала вину, но стоило ей услышать выговор Сюэ'эр, и в ней вспыхнул гнев:

- Винишь меня? Почему бы тебе не винить себя? Зачем было подавать такой горячий свежесваренный чай?

Сюэ'эр уперла руки в боки и сердито выпалила:

- А ничего, что молодая Сяоцзе сделала все возможное, чтобы вылечить вашего сына посреди ночи? У вас даже не нашлось чашки чая. Ночью было очень холодно. Я хотела приготовить что-нибудь горячее для юной Сяоцзе. А как насчет вас? Вы...

Слова Сюэ'эр прервала Ци Жун Юэ:

- Сюэ'эр, забудь об этом, она тоже ранена.

Выслушав слова юной Сяоцзе, Сюэ'эр замолчала, но её вид красочно говорил, что она не прочь выколоть урождённой Сюй глаза.

Видя, что ее сыну, казалось, стало намного лучше, сердце Сюй-ши было счастливо, и злоба Сюэ'эр отошла на задний план.

После того бурного всплеска Мо Цзысянь крепко спал, так и не проснувшись, до рассвета.

Когда Мо Далан пришел, он увидел, что грудь его сына все еще вздымается, а лицо выглядит намного лучше. Он поднял глаза, чтобы взглянуть на жену.

Сюй-ши сидела на табурете и покачала головой, как бы говоря, что не знает о ситуации. Она хотела спросить и не осмеливалась спросить. Она боялась услышать ответ, который не хотела слышать, поэтому продолжала тратить время впустую.

Мо Далан подошел к Ци Жун Юэ, которая только что нанесла хорошее лекарство, и тихо спросил: «Жун Юэ, Сянь'эр, как он?» Он изо всех сил старался сохранять спокойствие.

Морально он уже приготовился к худшему, но, в конце концов, он был его сыном, был рядом на протяжении стольких лет. В кажущемся спокойным голосе Ци Жун Юэ отчётливо услышала дрожь.

Она подняла глаза и посмотрела на высокого и беспомощного мужчину, стоявшего перед ней, и тихим голосом молвила: «Не волнуйтесь, он не умрёт. Пока он будет следовать моим предписаниям, он, несомненно, сможет выздороветь».

Услышав это, Сюй-ши немедленно встала с табурета, совсем забыв о боли в ногах. Она бросилась к Ци Жун Юэ, схватила ее за руку и громко спросила: «Ты серьезно? Мой Сянь'эр, он... он действительно не умрет?»

Ногти у урожденной Сюй были острые, а ткань одежды на Жун Юэ тонкой. Острые ногти почти вонзились в ее кожу, оставляя царапины, и она сжалась от боли.

- Я же сказала, что он не умрёт,пусти меня! - Ци Жун Юэ не нравилась Сюй-ши. Она никогда этого не скрывала. Сюй-ши она тоже не нравилась, поэтому им не нужно было соблюдать нормы вежливости.

Сюэ'эр увидела, что рука Сюй-ши всё ещё крепко вцепилась в госпожу. Она хлопнула Сюй-ши по руке и сердито произнесла: «Вам недостаточно обжечь руку барышни, сейчас вы хотите поцарапать ее своими когтями?»

Сила Сюэ'эр была немалой, и урожденная Сюй поспешно отдернула руку.

Услышав это, радость на лице Мо Далана по большей части рассеялась. Он увидел руку Ци Жун Юэ, завернутую в белую марлю, и нахмурился: «В чем дело? Ты обожгла Жун Юэ?» В его глазах читался гнев, а в голосе слышались холодные нотки. Он недовольно уставился на супругу.

Сюй-ши пришлось оправдываться: «Я не хотела. В то время Сянь'эр выглядел не очень хорошо, и я... я очень спешила!»

- Хм... - протянула Сюэ'эр. - К счастью, вы сделали это не специально. Иначе я не смогла бы пощадить вас.

Сюй-ши подняла глаза и пристально посмотрела на Сюэ'эр. В глубине души Сюэ'эр, девушка с острым язычком, ее ненавидела. Она даже не пыталась скрыть свои эмоции, когда заговорила, не обращая никакого внимания на ее статус в этом доме.